

УДК 821.161.1.09«19»

Терешкина Д.Б.

доктор филологических наук, доцент
кафедра русской и зарубежной литературы
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород)
terdb@mail.ru

**«СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И «КНИГА ЖИВЫХ»: ТРАДИЦИИ
ДРЕВНЕРУССКОГО СИНОДИКА В ЭПОПЕЕ И.С. ШМЕЛЕВА**

В статье рассматриваются традиции древнерусского синодика (поминальной книги с нравоучительным предисловием) в эпопее И.С.Шмелева «Солнце мертвых». Анализ трансформации топосов (постоянных мест) текстов синодиков вносит дополнительные оттенки смысла «самой страшной книги» писателя.

Ключевые слова: синодик, древнерусская традиция, смерть, вера, смысл.

О «самой страшной книге» Ивана Шмелева написано немало. Не раз говорилось также о глубочайшем контексте этой книги, лежащем в древних – вернее, вечных – пластах развития русской словесности и народного представления о смерти, испытаниях и Божьей воле. С.И.Кормилов в свое время писал о сдержанной манере изображения И.Шмелевым ужасного, восходящей к древнерусской традиции, явленной в житийных и молитвенных текстах и изобразительном искусстве [1]. В настоящей статье мы бы хотели обратить внимание еще на одну традицию, отчетливо проявляющуюся в книге И.Шмелева, – синодичную.

Синодики – это поминальные книги, куда вписывались имена умерших и молитвы за них, а также нравоучительные тексты о необходимости поминания мертвых. Имеющие сложную литературную историю и разветвленную систему редакций и вариантов [2], в том числе местных [3], синодики преследовали одну цель: внушить живущим мысль о необходимости помнить о смерти и каяться при жизни, чтобы не быть застигнутым смертью неприготовленным к уходу в мир иной. Важнейшей функцией синодиков являлось общее поминание всех умерших. Особое внимание уделялось поминанию умерших внезапной (и часто – насильственной) смертью. Так, книжник, создававший в XVII в. Новоезерский синодик (ныне хранится в Новгородском музее), вслед за своим источником, подробно описывает виды «нужной» смерти людей утопших, разбившихся, огнем сожженных, убитых разбойниками, на поле брани, замученных «злыми господами», самих себя лишивших жизни во исступлении ума, заблудившихся в лесу и болоте, умерших от голода, жажды, холода, грозы, в плену, в расселинах каменных и пещерах, за веру Христову замученных и

убитых, куском подавившихся, младенцев, небрежением отца и матери умерших, прося Господа помянуть их всех, о ком знают и кто принял смерть никому не ведомую, и за тех, кого некому помянуть. Последнему уделялось особое внимание: когда умершего не поминали близкие, знавшие его, эта скорбная роль отводилась Книге – синодику, куда вписывались все христиане: жившие праведно либо грешившие, успевшие покаяться или не причастившиеся Святых Тайн – смерть уравнивает всех; посмертную судьбу души волен решить только Всевышний.

Синодичная традиция в «Солнце мертвых» И.Шмелева широко явлена прежде всего в главном своем образе – книге. Поминальной книгой является сама эпопея (духовным обетом звучит в финальной части книги: *Я останусь свидетелем жизни Мертвых* [4, 268]. Книгой, куда вписаны имена и дела людские, становится в кровавом месиве послереволюционного Крыма сама земля: *...земля напилалась кровью, и вино выйдет крепким и не даст радостного забвения. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Кай, видная недалеко. Время придет – прочтется...* [4, 14]. Последние слова становятся лейтмотивом, повторяются не единожды (*А голая стена Куш-Кай – все та же летопись: пишет по ней неведомая рука. Все вбирает в себя, все видит* [4, 147, то же – 4, 258]). Словно на каменных скрижалях, записаны не просто имена и судьбы людские (как в «обычных» поминальных книгах), а судьбы страшные, смерти бесчисленные, насильственные, долгие и мучительные – смерти, людям людьми причиняющиеся. Пока светит солнце мертвых, пишется книга живых – теми, кто в живых остался и кто верит в Бога Живаго, для Которого смерти нет. *... я даю себе слово: в душу принять их муку и почтить светлую память бывших* [4, 158].

Образ смерти, явленный на страницах книги, – это образ прежде всего пришедший из синодичной традиции. Многие из дошедших до нас древнерусских синодиков являются лицевыми, т.е. иллюстрированными. И смерть в них предстает в виде антропоморфного существа, чрезвычайно бледного, худого, нагого, со всеми его привычными атрибутами: крюками, косой, стрелами, луком, крючьями. Образ смерти в «Солнце мертвых» растворен в тысячах страшных и разных смертей вокруг; но этот же образ – конкретен, до предела визуален: предстает в образе старьевщика (*Что понимают старьевщики? Они и живую душу крючком зацепят, чтобы выменять на гроши. <...> Раздолье теперь старьевщикам, обновителям жизни! Возят они по ней железными крюками* [4, 12]). Разгул смерти в Крыму представлен как разгул старьевщиков, орудующих ее атрибутами. Смерть одна; в изображении синодиков она приходит закономерно, в назначенный час и не по своей воле, она бескорыстна, а в изображении древнерусской повести об Анике-воине [5] смерть еще и сочувствует бедному человеку, не подготовившемуся к ее приходу. В изображении И.Шмелева в полной ужаса человеческой жизни люди страшнее смерти. Каждый из них, пытаясь сохранить свое брэнное тело и едва теплящуюся жизнь, готов на унич-

тожение другого, теряя человеческое обличье. Смерть предстает, в зловещей своей персонификации, в виде Бабы-Яги, железной метлой подметающей Крым (глава «Про Бабу-Ягу»); как известно, Баба-Яга – мертвец, встречающий героя в мире мертвых.

Примечательно, что при тотальном разгуле смерти в «Солнце мертвых» смерть не страшна, потому что *лучше теперь в земле, чем на земле* [4, 64]. (*Теперь на всем лежит печать ухода. И – не страшно* [4, 48]).

Как уже было сказано, умерших насильственной и внезапной смертью синодики поминали особо. В «Солнце мертвых» случайная смерть одного несчастного вытесняется всеобщей, массовой смертью, ставшей вследствие своей всеобщности привычной и в каждом отдельном случае ожидаемой. Единственное, что сближает «обычное» представление о смерти со смертью в «Солнце мертвых», – это ее индивидуальный характер. Смерть всегда уникальна для каждого человека, и каждый встречается с нею один на один. Задачей остающихся жить становится погребение усопшего, проводы его в мир иной, оплакивание и истовое моление за душу умершего, чтобы она упокоилась в сферах, где царит милосердие Божие. В эпопее И.Шмелева страшна смерть всеобщая, но еще страшнее видеть, как при этом каждый умирает в одиночестве, не оплакиваемый и не погребаемый, что является самым страшным наказанием для любого живущего (*А сколько теперь больших, которые знали солнце, и кто уходит во тьме!.. Ни шепота, ни ласки родной руки* [4, 48]); и моление за него в мире, где надежды нет, откладывается. Потому так страшна смерть Кулеша, не умолкшего после смерти, не будучи погребенным, истово «просящего» «я-а-а... мы-ы-ы» [4, 168], а над портным Гвоздиковым панихидку поют только зеленые мухи: три дня тот лежал мертвый за перегородкой, не будучи замеченными людьми, еще пока оставшимися в живых. Потому и важно, чтобы ничего не забылось, чтобы напомнилось потом людям в письменах, оставленных не живущими, а самой жизнью, для которой, в отличие от человека, смерть никогда не будет привычной. Синодик пишется людьми; книгу смертей и страданий пишет в «Солнце мертвых» сама природа, живая и умирающая вместе с человеком: *богомол, монах усохший, в порыжевшей ряске, стоит он на умной своей молитве, воздевая иссохшие руки-лапки* [4, 119], (*Смотрят на него горы... Я вижу тайную их улыбку – улыбку камня* [4, 22]). *Свидетели нашего умирания* [4, 38] – только птицы. *Хорошо знаю, как люди людей боятся – людей ли? – как тычутся головами в щели, как онемело роют себе могилы* [4, 41]. Поэтому так пронзительно звучит рассказ о татарке, вымолившей у мучителей своего умирающего сына, принявшей «его вздох на родных коленах», повествование доктора о похоронах своей жены, которую он не мог оставить без достойного погребения. Доктор хоронит жену не в гробу, которого нет, и не в домовине напрокат, которую можно было взять для препровождения тела на кладбище, а в фамильном столе, куда он буквально ключом закрывает – запечатывает свою «чистоплотную» подружку жизни. «Чистая»

«плоть», удостоившаяся познания ада на земле, ждет избавления от ада на том свете, где Христос уже избавил от уз адских первых людей Адама и Еву, сокрушив замки и врата ада. (Доктор сам ясно представляет себе картину Страшного Суда, где предстанут все убиенные – и его Наталья Семеновна, *в мешковине... из-под картошки в мешочек обряжена* [4, 71]). Примечательно, что, достойно проводив в другой мир свою жену, близкий к сумасшествию доктор сам подходит к черте смерти осознанно, готовясь и осознавая конец жизни: *подвожу, так сказать, итоги. На многое открылись глаза, поздно только* [4, 80]. Его смерть не является неожиданной. Она мучительна, но подготовлена самим умирающим, смирившимся с судьбой.

В русле синодичной традиции описаны видения в виде снов [4, 9-10] – нездешнего мира, с людьми, находящимися вне жизни, испытавшими страшные страдания в ней и теперь печальющиеся там, откуда автор возвращается с радостью в мир, несмотря на то, что явь полна мук и слез.

В мире смерти нет времени. Календаря *не надо (бессрочнику все едино* [4, 11]). *Время убивается (еще один день убит* [4, 11]), ибо смерть к человеку еще медлит приходить, и жизнь приходится проживать помимо воли, без сил, веры и желания. Жизнь не нужна – а потому человек мертв, люди мертвы, только не физически, а духовно, ибо телесно они все еще живы, а духом мертвы, находятся вне жизни. Солнце мертвых для живых трупов – и это сочетание уже не воспринимается оксюморонным. В повествовании между безвременьем страшного земного существования сквозит истинный, сакральный календарь: Преображение, Рождество. О них вспоминает повествователь, словно предполагая, глубиной своей веры, наличие где-то вечной, настоящей, жизни. А потому – *молитвой встречай утро* [4, 14]...

Человек, в представлении И.Шмелева, силен (*Она же знает великую силу человека* [4, 23]). Но в какой-то момент он становится беспомощным. И этот момент связан исключительно с саморазрушением человека, когда лишь по его воле сеется вокруг смерть ему самому и всей окружающей природе (*здесь люди пожирают детей своих* [4, 31]). Постоянный мотив эпопеи – земля, политая кровью.

Видимым диссонансом звучит в «Солнце мертвых» мысль о неприсутствии Бога на земле. *Бога нет (У меня нет теперь храма. Бога у меня нет: синее небо пусто* [4, 28]). Но Бога нет только у мертвых. Ибо тут же – *Великий ее создал* [4, 34] и *порой и стервятники говорят о Боге* [4, 42] (о Шурке-Соколе). Евангелие повествователь «предал», описав библиотеку по приказу новых властей. Доктор забыл, как читается «Отче наш». И предполагает в сомнении, *как после такой помойки поверишь, что там есть что-то? И «там» обанкротилось!*

В этом контексте очень важна в эпопее мысль об обмане. Человек и миллионы людей обмануты новой властью (*Миллионы таких обмануты, и миллионы еще обманут* [4, 170]). Обман как соблазн дьявола, обещавший все блага мира. Но главный обман, как оказалось, заключался не в том, что «власть пролетариата»

обещала голодным и неимущим горы хлеба, аэропланы и поезда – и ничего не дала, а в том, что заставила забыть о главном регуляторе человеческих отношений – смерти. *А смерть у дверей стоит, и будет стоять упорно, пока не уведет всех. Бледною тенью стоит и ждет!* [4, 252] – этот облик смерти полностью совпадает с тем, что представляли себе в русских лицевых синодиках миниатюристы. По-настоящему живой человек (и физически, и духовно) помнит о смерти всегда и должен быть готов к ней в любую минуту – это закон жизни. Человек, забывший о смерти, – уже не живой. Потому и смерть в этом мире мертвых вошла в свою чудовищную силу. *Ужас в том, что они-то никакого ужаса не ощущают!* [4, 221], – говорит про таких «живых мертвецов» доктор. Именно потому, что это мир мертвых, сама смерть стала привычным явлением – при том, что оставшиеся жить «на себя» эту смерть не примеряют. И это не абсурд – это беспомощность обманутых, которые готовы были быть соблазненными, прельщенными дьяволом. Потому, при всей мерзости поступков, эти обманутые удостаиваются жалости и нуждаются в отмаливании их грехов после их смерти, во вписании их в Книгу живых. Подобно синодику, в котором поминаются все, уравненные смертью.

В скорбном списке поминальных записей персонифицируется страна – Россия. *Новые творцы жизни, откуда вы? /.../ Осквернили гроба святых и чуждый вам прах благоверного Александра, борца за Русь, потревожили в вечном сне. Рвете самую память Руси, стираете имена-лики... Эх, Россия! соблазнили Тебя – какими чарами? споили каким вином?* [4, 113]. В этом аду на земле все теряет не только жизнь, но и именование. Все обращается в ничто, ибо даже имя целой страны осквернено; ее, погибающую, даже в книгу не вписывают: не нужна мертвым поминальная книга.

Испытание веры и жизни происходит для самого героя-повествователя. И если сначала было *Лица твоего не вижу, Господи!* [4, 99], если вначале герой свидетельствует о страшном времени разорения как о смерти души: *Но теперь нет души, и нет ничего святого. Содраны с человеческих душ покровы. /.../ Для мертвых все – ничего!* [4, 108-109] и отделяет себя от «мертвых» (*Гордые вожди масс, воссядете вы на костях их с убийцами и ворами и, пожирая остатки прошлого, назоветесь вождями мертвых* [4, 114]), то потом, не смирившись со зверствами политической власти, герой объединяется со своим страдающим народом, разделяет его общечеловеческую скорбь: *Я останусь свидетелем жизни Мертвых. Полную чашу выпью. /.../ Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение – да будет* [4, 268]. Герой становится очевидцем важнейшего для понимания человеческого страдания случая: грек покупает у когда-то благополучной женщины ожерелье за три фунта хлеба – и «дарит» ей три дня жизни [4, 113]. Дарить жизнь может только Бог; только Христос питал народ Своим чудом пяти хлебов. Простой человек, не наделенный божественной силой, не может взять хлеб ниоткуда. За жизнь – каждый ее день – приходится платить самой высокой ценой, когда обесценивается то, что раньше

представлялось ценным – богатства, украшения, часы, столы редкой работы. Одновременно происходит возвращение утерянной способности человека видеть Господа в самом малом и в самом материальном. *С неба вестник! Старый татарин прислал с корзинкой. Яблоки, грушка-сушка... мука? И бутылка бек-меса!.. <...> Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из темного угла смотрит, из маленьких глаз татарина* [4, 236-237]. Слишком дорогой ценой далось это понимание – но только после этого прозрения можно было сказать: *Жива человеческая душа! <...> Теперь ничего не страшно* [4, 236-237]. И «не страшно» уже не потому, что в такой жизни смерть лучше, а потому, что именно в такой жизни, на фоне всеобщего обесчеловечивания, наиболее отчетливо виден лик Бога в человеке.

В 1925 г., в письме к П.Б.Струве, И.С.Шмелев напишет: *В записях и в памяти есть много кусков, – они как-нибудь свяжутся с книгой (в параллель «Солнцу мертвых»)*. *Может, эта книга будет – «Солнцем живых» – это для меня, конечно. В прошлом у всех нас, в России, было много живого и подлинно светлого, что, быть может, навсегда утрачено. Но оно было. Животворящее проявление Духа Жива, что, убитое, своей смертью, воистину, должно попрасть смерть. Оно жило – и живет – как росток в терне, ждет...* [6, 8]. «Солнце мертвых» как поминально-покаянная книга не могла не продолжиться книгой живых. Только у И.С.Шмелева она, в отличие от древнерусских синодиков, стала повествованием о человеке, увидевшем Бога не за смертной чертой, а на земле, где величие Всевышнего явлено людям не только в Духе, но и в плоти, которая, будь человек праведен, – бессмертна.

Список использованной литературы

1. Кормилов С. И. «Самая страшная книга» (Соотношение изобразительного и выразительного в «эпопее» Ивана Шмелева «Солнце мертвых») / С. И. Кормилов // Русская словесность. – 1995. – № 1. – С. 21-30.
2. Поньрко Н. В. Синодик / Н. В. Поньрко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 339-344; Дергачева И.В. 1) Синодик с литературными предисловиями: история возникновения и бытования на Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. – № 2 (4). – С. 89-96; 2) Древнерусский Синодик: религиозно-философские аспекты истории бытования памятника. М., 2007.
3. Терешкина Д. Б. «Гробьзяще, живемъ яко безсмертни»: Тема смерти в синодике из собрания Новгородского музея / Д. Б. Терешкина // Динамика эволюции человеческого интеллекта, этико-эстетического восприятия мира и художественного творчества: Сборник материалов XIII международной научно-практической конференции (Киев, Лондон, 10–14 ноября 2011 года). – Одесса, 2011. – С. 65-68.
4. Шмелев И. С. Солнце мертвых / И. С. Шмелев – М. : Согласие, 2000. – 268 с.
5. Текст сказания на древнерусском языке опубликован: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. – С.464-466, 757-758 (прим.) – Сер. «Библиотека всемирной литературы». Подготовка текста повести и прим. Р.П.Дмитриевой.
6. Шмелев И. С. Лето Господне: Автобиографическая повесть / И. С. Шмелев. – М. : Издательство АСТ; Олимп, 1996.

Терьошкіна Д.Б.

Новгородський державний університет Ярослава Мудрого
terdb@mail.ru

«СОНЦЕ МЕРТВИХ» І «КНИГА ЖИВИХ»: ТРАДИЦІЇ ДАВНЬОРУСЬКОГО СИНОДИКА В ЕПОПЕЇ І.С. ШМЕЛЬОВА

У статті розглядаються традиції давньоруського синодика (поминальної книги з повчальною передмовою) в епопеї І.С.Шмельова «Сонце мертвих». Аналіз трансформації топонімів (постійних місць) текстів синодиків вносить додаткові відтінки сенсу «найстрашнішої книги» письменника.

Ключові слова: синодик, давньоруська традиція, смерть, віра, сенс.

Tereshkina D.B.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
terdb@mail.ru

“THE SUN OF THE DEAD” AND “BOOK OF THE LIVING”: THE TRADITIONS OF OLD RUSSIAN SINODIC BY I.S. SHMELEV

The article discusses the traditions of old Russian sinodik (the memorial book with didactic preface) in I.S. Shmelev's epic «The Sun of the dead». Analysis of the transformation of the toponyms (permanent places) of the texts of sinodics introduces additional shades of meaning of «the most terrible book» by the great Russian writer.

Key words: sinodik, Old Russian tradition, death, faith, meaning.

References

1. Kormilov S. I. (1995) «Samaja strashnaja kniga» (Sootnoshenie izobrazitel'nogo i vyrazitel'nogo v «jepopee» Ivana Shmeleva «Solnce mertvyh») [“The worst book” (The correlation of descriptive and expressive in «epic» by Ivan Shmelev «The sun of the dead»)] – Russkaja slovesnost' [Russian literature], № 1, pp. 21-30 [in Russian].
2. Ponyrko N. V. (1989) Sinodik [Synodic] – Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi [The dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus], Leningrad, Iss. 2, part 2, p. 339-344; Dergacheva I. 1) Sinodik s literaturnymi predisloviyami: istorija vzniknovenija i bytovanija na Rusi [Synodic with the literary prefaces: the history of the emergence and existence in Russia] (2001) – Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki [Ancient Rus: Harvard Ukrainian studies], № 2 (4), pp. 89-96; 2) Drevnerusskij Sinodik: religiozno-filosofskie aspekty istorii bytovanija pamjatnika [The ancient Synodic: religious and philosophical aspects of the history of existence of the monument], Moscow [in Russian].
3. Tereshkina D. B. (2011) «Grob#zrjashhe, zhivem# jako bezsmertni»: Tema smerti v sinodike iz sobranija Novgorodskogo muzeja [«Seen the coffin, live like immortal»: the Theme of death in obituary from the collection of Novgorod Museum] – Dinamika jevoljucii chelovecheskogo intellekta, jetiko-jesteticheskogo vosprijatija mira i hudozhestvennogo tvorcestva: Sbornik materialov XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Kiev, London, 10 –14 nojabrja 2011 goda) [Dynamics of the evolution of human intelligence, ethical-aesthetic world perception and artistic creation: proceedings of the XIII international scientific-practical conference (Kiev, London, 10 -14 November 2011), Odessa, pp. 65-68 [in Russian].
4. Shmelev I. S. (2000) Solnce mertvyh [The sun of Dead], Moscow, Soglasie [in Russian].
5. Tekst opublikovan: Izbornik (Sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi) [The text is published: Izbornik (Collection of literature of Ancient Russia) (1969), Moscow, Biblioteka vseмирnoj literatury, [in Russian].
6. Shmelev I. S. (1996) Leto Gospodne: Avtobiograficheskaja povest' [The year of the God: an Autobiographical novel], Moscow, AST; Olimp [in Russian].

Статтю подано до редколегії 15 вересня 2016 р.